

Михеев Василий Михайлович

**Отрок мученик. Углицкое
предание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Михайлович М.**
Отрок мученик. Углицкое предание / Михеев Василий Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 146 с.

ISBN 978-5-519-97011-2

ISBN 978-5-519-97011-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

домикъ углицкаго посадскаго человѣка Никифора Григорьевича, прозваніемъ Чеполосова. Былъ то человѣкъ въ Угличѣ почитаемый и съ достаткомъ. А достатокъ пріобрѣлъ онъ кожевннымъ промысломъ, издавна излюбленнымъ угличанами. Была у Чеполосова кожевня своя: въ ней дубили, мяти и даже тиснили кожи узорами. И помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ товарищъ, прозвищемъ Рудакъ. Жилъ этотъ Рудакъ, человѣкъ одинокій, въ слободѣ подъ Угличемъ, прозванной Герусалимской всею. Былъ онъ до всякаго промысла человѣкъ дошлый, хитроумный; былъ онъ человѣкъ книжный—многіе темные угличане даже колдуномъ его почитали. А Никифоръ Григорьевичъ души въ немъ не чаялъ. Угодилъ ему Рудакъ по кожевному промыслу. Братенникомъ, сябромъ называлъ товарища Чеполосовъ. Такъ именовали въ старину совладѣльцевъ по землѣ или промыслу.

Жилъ Рудакъ въ старой избѣ, отцовской, одинъ, какъ перстъ, въ книги зарывшись; а книгъ у него былъ полный поставецъ. И говаривали люди, что не божественныя то были книги. Отдыхалъ же душой Рудакъ въ семьѣ Чеполосова, находилъ въ ней себѣ пріютъ и привѣтъ.

Семейныхъ у Никифора Григорьевича была жена Анна да сынокъ по десятому году, Ваня. Былъ и еще сынъ, да совсѣмъ маленькимъ по-меръ. И жили мирно да ладно Чеполосовы на Яновомъ Полѣ, полагая всю душу свою въ отрока Ваню, котораго ужъ и въ науку отдали: посылали въ школу къ священнику церкви Димитрія Солунскаго.

Стояла эта церковь на мѣстѣ, что называютъ теперь Солунскимъ боромъ. Собиралъ въ нее батюшка-настоятель ея углицкихъ ребятъ и обучалъ ихъ грамотѣ да слову Божьему, получая съ родителей за труды свои рыбу да масло да всякій иной запасъ. Ходить въ эту школу Ванѣ Чеполосову было не близко. И нерѣдко провожалъ его туда Рудакъ, чтобы лихой человѣкъ мальчика не избидѣлъ. И не посылалъ отецъ Вани братенника сына провожать, своей охотой ходилъ Рудакъ. Полюбился ему Ваня. Сидятъ иной разъ вмѣстѣ подъ вечеръ—всѣ Чеполосовы и Рудакъ. Свѣжая березовая лучина горитъ да потрескиваетъ въ поставцѣ, словно огненные слезы, роняя обгорѣлые уголья въ желѣзную подставку. Въ слюдяныя оконца, подслѣповатыя и низкія, точно недобрый

человѣкъ, заглядываетъ темная ночь. Анна кудель прядетъ. Мужъ ея тихую думу думаетъ. Ваня водить указкой по азбуковнику, да нѣжнымъ шопотомъ зады твердить, чуть шевеля мягкими губками. А Рудакъ сидитъ въ сторонкѣ на лавкѣ, молчитъ, да точно украдкой на Ваню поглядываетъ. И горять глаза его, какъ угли. А былъ онъ человѣкъ лѣтъ сорока, худой, смуглый, молчаливый.

— Сяберъ на дѣло — золото, а ужъ на бесѣду — не осудите, — говаривалъ Чеполосовъ, добродушно посмѣиваясь въ свою широкую русую бороду, словно инеемъ прoderнутую просѣдью.

Любилъ своего руководѣльнаго сябра-товарища Чеполосовъ. Была у Никифора Григорьевича душа мягкая и добрая. И по сердцу ему было, что полюбился его сынокъ его братеннику.

Не по сердцу это было Аннѣ, матери Вани. Обликъ ли темный да мрачный Рудака, говоръ ли угличанъ, что Рудакъ чернокнижникъ, молчаливость ли его тому причиной, но не понутру онъ былъ Аннѣ. Она сама была женщина тихая да молчаливая. Да иное было молчаніе ея. Рудакъ молчалъ—будто воронъ темный, неслышно хлопая

крыльями, пролеталъ по комнатѣ; Анна же молчала — будто ласточка дѣткамъ пухъ въ гнѣздѣ устилала.

Ни слова не говорила Анна мужу про Рудака. Только сердце ея материнское сжималось, тосковало, когда примѣчала она, что Рудакъ заглядывается на Ваню. И слѣшила она тайкомъ трижды облизнуть ясное личико сына и трижды плюнуть въ уголъ. Примѣта есть такая: дѣлать это матери, чтобъ не сглазили ея дитя. И когда ловилъ ее на этомъ Рудакъ — усмѣхался онъ чуть замѣтно. Когда же видѣлъ это Чеполосовъ — говорилъ онъ ласково женѣ:

— Оберегай, Анна, оберегай дитѣ наше отъ всякаго худа. Худо-то ни вѣсть гдѣ прячется, а ты мать: забота твоя передъ Господомъ.

И чуялось какъ будто Аннѣ, что худо-то рядомъ на лавкѣ сидитъ, и желалось ей предостеречь мужа отъ Рудака, да языкъ не поворачивался. Знала она: много добра по промыслу оказываетъ ея мужу Рудакъ. Знала и то, что не столько за промыселъ, за пользу да за выгоду привѣтливъ Никифоръ Григорьевичъ къ «братеннику», сколько ради сиротства его, ради души его сумрачной, пе-

чальной, ради горя, какимъ будто непрестанно ныла эта душа.

Говаривали въ Угличѣ, что вся родня, всѣ дѣды, прадѣды Рудака были посланы въ далекую Сибирь, въ ледяной городъ Пелымъ, за участіе въ побоищѣ народномъ, когда убили царевича Димитрія. Только мать его, грудной дѣвочкой, сироткой безъ роду племени, осталась въ Угличѣ на чужихъ рукахъ. Подросла она, благодѣтелямъ своимъ въ тягость стала. А замужъ ее никто не беретъ: и роду она опальнаго, и приданаго у ней рубаха посконная да крестъ мѣдный. Такъ бы и осталась она дѣвкой-вѣковушей, да жилъ въ ту пору въ Угличѣ служилый человѣкъ. Былъ онъ когда-то приставленъ при Углицкомъ замкѣ, при покояхъ шведскаго королевича Густава.

Выписалъ изъ-за моря королевича Борисъ Годуновъ въ женихи своей дочери—Ксеніи, общалъ ему королевство Шведское у его брата отнять, да вдругъ за то прогнѣвился, что не хотѣлъ королевичъ вѣру свою перемѣнить, и услалъ его въ Угличъ. Долго томился въ Угличѣ королевичъ, полюбилъ онъ своего пристава. Взялъ его потомъ съ собой сперва въ Ярославль, послѣ въ Кашинъ,

куда перевезли Густава. Въ Кашинѣ королевичъ умеръ. А приставъ его вернулся въ родной городъ. Тутъ онъ и женился на матери Рудака. Зналъ онъ ее еще дѣвчонкой, когда она подросткомъ стирала рубахи крѣпостной стражѣ.

Но Рудаку и году не было, когда мать и отецъ его померли отъ частаго въ ту пору поваральнаго мора. Наслѣдства же ему осталось всего: старая изба въ слободѣ съ бѣдной домашней рухлядью да книги, которыя подарилъ своему приставу, умирая въ Кашинѣ, королевичъ Густавъ. Добрые люди, чужіе ему, вспоили, вскормили и Рудака, какъ и мать его. Сберегли они и книги королевича. Сожгли бы они эти невѣдомыя басурманскія книги,—да отецъ Рудака, умирая, цѣловалъ крестъ, что книги не дьявольскія, и молилъ угличанъ сберечь эти книги сыну.

Подрость Рудака. Минуло ему 15 годовъ. Взялъ онъ суму со ржаной краюхою да отцовыми книгами на спину, сдѣлалъ земной поклонъ своимъ благодѣтелямъ, взялъ посохъ и пошелъ по Руси-великой хлѣбъ себѣ добывать. Гдѣ онъ бродилъ, скитался—никому невѣдомо. Годовъ черезъ 20 вернулся онъ на родину грамотный, въ кожевенномъ

дѣлѣ умѣлый. Поступилъ онъ сперва въ подручные Чеполосову, а потомъ и товарищемъ его по дѣлу сталъ. И поселился онъ въ старой отцовской избѣ—работящій, одинокій, молчаливый, рассказавъ только Чеполосову о своихъ скитаніяхъ на чужбинѣ, что прожилъ это время въ Москвѣ у нѣмца-сѣдельника, гдѣ и обучился и грамотѣ, и ремеслу.

— Потомъ ища добылъ себѣ сирота умъ-разумъ—говорилъ, вздыхая, про него Чеполосовъ. И такъ любовно звучало въ его устахъ это слово: «сирота», что не поворачивался языкъ у жены его, Анны, сказать худое про Рудака. А материнское сердце ныло, тосковало, когда она видѣла, какъ взглядываетъ сирота на ея Ваню.

II.

сею душою любили Чеполосовы Ваню. И не только какъ единственнаго сына. И обликомъ своимъ, и нравомъ онъ привлекъ бы къ себѣ всякаго. Былъ онъ мальчикъ здоровый, выносливый, но сложенія былъ нѣжнаго. Для своихъ лѣтъ онъ былъ высокъ и казался тѣмъ болѣе тонкимъ и гибкимъ.

— Тростиночка ты моя!.. — ласково называлъ его отецъ, любившій нѣжныя слова, и прибавлялъ, точно утѣшая сына: — погоду, въ силу войдешь, не будешь, какъ дѣвчонка на возрастѣ, во всѣ стороны гнуться! Ан-

нушка! Да онъ у насъ и вправду дѣвчонка!—весело смѣялся Никифоръ Григорьевичъ, видя какъ вспыхиваетъ отъ его словъ округлое личико Вани, а большіе голубые глаза мальчика, свѣтлые и ясные, какъ лазурь небесная въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ ней купаются первые жаворонки, — нѣжно туманятся и прячутся подъ темныя рѣсницы.

— Ужъ и дѣвка! Только что материнъ сынокъ! — защищала Ваню Анна, обнимая его худыми руками, слегка огрубѣлыми отъ хозяйственныхъ работъ и хлопотъ. И она подолгу разглаживала длинные, остриженные въ скобку, темно-русые кудри мальчика. Кудри эти, мягкіе и шелковистые, какъ-то задумчиво оттѣняли кроткое личико Вани.

Иногда и въ школѣ товарищи, прыгая вокругъ него и вышибая изъ рукъ его азбуковникъ, напѣвали:

Ты, дѣвица, подними,
Раскрасавица, подай.

Ваня тихо улыбался и, покорно наклоняясь, поднималъ книжку. Его густые волосы при этомъ

пышно разсыпались, падая на его бѣлый ясный лобъ, какъ струистое темное золото.

Онъ любилъ школу и товарищей. Тихъ онъ былъ нравомъ, но иногда, возвращаясь изъ школы, не прочь былъ распалиться съ пріятелями-школьниками. Тогда приходилъ онъ домой раскраснѣвшій, веселый, радостный, съ горящими глазками, вбѣгалъ со всѣхъ ногъ въ горницу, упadalъ на колѣни матери головой и такъ затихалъ, замиралъ.

— Ну что, передохнулъ? — бывало, скажетъ мать.

— Ахъ, мамынька, передохнулъ! — глубоко вздохнетъ Ваня, подниметъ голову съ колѣнъ матери, посмотритъ лукаво-весело въ ея глаза и снова надолго затихнетъ.

Но не только товарищей любилъ онъ въ школѣ. Любилъ онъ и учителя, солунскаго батюшку, какъ по приходу называли священника угличане. Любилъ Ваня старое, морщинистое, усталое, всегда тихое-тихое лицо батюшки, даже его сермяжную короткую рясу, изъ-подъ которой выглядывали стоптанные лапти: такъ одѣвался бережливый священникъ, идя на учобу.